

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

(Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске)

Рассказ

Мы знаем, что 25 октября совершится переворот - именно 25-го, - ни раньше, ни позже. Центральный бой будет в Питере и Москве - там решается почти все.

Туда будет нужна наша помощь: мы должны им сказать, что сами готовы, что можем дать своих лучших солдат, что здесь, у себя, мы - победители!

Когда один, другой, десятый, сотый город скажет, что и он победил, что и он готов к помощи, - только тогда победа. Деревня победит вслед... Мы это знаем и лихорадочно готовимся к роковым, решающим дням.

Рабочим за октябрь выдано по пяти фунтов дрянной муки. Больше не дадут ничего, надежд на близкую получку нет, достать неоткуда, а покупать им не на что и негде. Положение грошовое.

Мы приходим на митинги, многотысячные митинги ткачей, которые собираются у себя по фабричным дворам.

Приходим, сами до тошноты голодные, говорить с ними о голоде.

- Рабочие! Дорогие товарищи!.. Видите сами - откуда мы добудем хлеба?.. Ближнюю неделю так и не ждите, не будет совсем... А там... там, может быть, будет: твердо не заверяем, а надежда есть... Вы за октябрь получили только пять фунтов - это тяжело; но что же делать, коли хлеба нет и не видно: все картофельную шелуху жуем...

- И картофельной-то нет, - простонет из гущи со скорбью ткачиха, и ей глухо отзовется старая, строгая мрачная соседка:

- Ах ты, господи, что же делать-то будешь...

- А вот што, - взвизгнет откуда-то женский крик, - вот што делать: у меня два дня не жрамши дети сидят!.. Ишь словарь какой нашелся (это уже к нам), на што мне слова твои, ты хлеба дай - хлеба, а то мне - тьфу на тебя... Вот што...

Это мать. Она не говорит, а, прыгая на месте, пронзительно и часто причитает, неистово машет руками. Грани терпения перейдены, ее уговаривать невозможно.

Молчаливо стоят угрюмые, суровые ткачи: они понимают голодную мать - не помешают ей в криках, в протестах, в угрозах отвести взволнованную душу. И мы замолчим.

Так одна от другой, заражаясь скорбью, вспомнив плачущих голодных ребят, еще больней, еще острее почувствовав вдруг всю муку лишений женщины-матери, измученные ткачихи зывают о помощи, бранят и проклинают - кого?.. Сами не знают кого, голоса, словно у дорогого гроба...

Спокойны, строги, серьезны стоят без движения ткачи...

Проходят минуты острого негодования, жалоб, безумных протестов и угроз... Море утихает, снова можно сказать; говоришь - и слушают тебя, и верят тебе, и знают, что помощь придет все равно откуда-то из совета, от этих вот, стоящих на бочках, людей, которых выбрали они же, ткачи, которым вверили свою жизнь и которых можно крепко побранить, излить на них всю невыносимую боль страданий от голода, от болезней, лишений на каждом шагу и каждый миг: свои, не обидятся.

Пробовали на эти митинги проникать мясники и в бурные минуты недовольства и угроз начинали сами кричать, только по-своему, по-мясницкому... Их узнавали, иной раз колотили, выбрасывали из рабочих дворов:

- Не лезь в чужое дело - здесь свои бранятся, сами и толкуются...

Над толпою проносятся слова:

- Мы опутаны изменой и предательством. Правительство бессильно: оно продолжает кровавую бойню, оно фабрики держит за фабрикантами, не дает крестьянам землю... Станем